

- ³⁰ Мечик Д. Я вспоминаю тебя, Павел // Воспоминания о Павле Васильеве. С. 72–73.
³¹ Пиеницына И. Он рос вместе с нами // Воспоминания о Павле Васильеве. С. 26–27.
³² ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 314, л. 65.
³³ Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1929–1934). Новосибирск, 1984. С. 62–63.
³⁴ ГАОО, ф. 3134, оп. 1, д. 46, л. 7, 11, 19.
³⁵ ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 314, л. 46, 61, 65, 68.
³⁶ ГАОО, ф. 3134, оп. 1, д. 46, л. 11, 19.
³⁷ ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 314, л. 65.
³⁸ ГАОО, ф. 3134, оп. 1, д. 46, л. 1, 18.
³⁹ Там же, л. 6, 7, 12.
⁴⁰ Пиеницына И. Он рос вместе с нами. С. 26–27.
⁴¹ ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 314, л. 65–66.
⁴² Там же, л. 61.
⁴³ Там же, л. 46.
⁴⁴ Там же, л. 70.
⁴⁵ Там же, л. 53.
⁴⁶ Забелина О. Годы надежд и испытаний // Воспоминания о П. Васильеве. С. 144.
⁴⁷ Скуратов М. Павел Васильев – побратим и пересмешник // Воспоминания о П. Васильеве. С. 165.
⁴⁸ Забелина О. Годы надежд и испытаний. С. 144.
⁴⁹ Там же. С. 145.

Т. А. Сабурова

ОБРАЗ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Несмотря на то, что проблема взаимоотношений и взаимодействия интеллигенции и власти имеет уже давнюю историю, изучена так же основательно, как и само понятие интеллигенции, представляется не только возможным, но и необходимым вновь обратиться к этой проблеме в рамках формирующейся социокультурной истории России и, соответственно, социокультурной истории интеллигенции. Возникновение новых исследовательских практик в связи с изменениями в исторической науке, гуманитарном знании в целом определяет значимость исследования сферы взаимодействия культуры и социальных отношений, диалектики смысловых категорий и стратегий социального поведения. Одним из проявлений стремления современного исторического знания к синтезу является попытка эффективного соединения макро- и микроаналитических стратегий, соединения общего и индивидуального, позволяющего увидеть и понять историческую специфику, преодолеть излишнюю социологизированность ис-

торического процесса и в то же время ту событийность, которая раскалывает и дробит историю.

Категория власти является одной из основных системообразующих категорий в модели мира русской интеллигенции. Исследование этой категории включает изучение представлений о власти, влияние представлений о власти на механизм принятия решений и выработку определенного стиля поведения. При этом учитывается существование в культуре целого набора бинарных оппозиций, которые на самом общем уровне сводятся к оппозициям «должное – сущее», «сакральное – мирское», «свое – чужое», «абстрактное – конкретное»¹.

Значение категории власти связано с процессом самоидентификации интеллигенции, формированием самосознания этой социальной группы, которая, дистанцируясь от власти, определяет свое место и задачи в обществе. Категория власти выступает в качестве элемента, необходимого интеллигенции для самоопределения, так как понятие «мы» складывается только при наличии в сознании понятия «они». Так, образ власти и образ интеллигенции находятся в диалектическом единстве, без образа власти нет образа интеллигенции. Заметим, что другим элементом «триады» является «народ», и самоидентификация интеллигенции происходит в рамках оппозиции «власть – народ», в движении от одного полюса к другому, в освоении пространства между этими полюсами оппозиции.

«Отношение к власти и к народу определяет, так сказать, координаты семантического пространства, положительные и отрицательные полюсы: интеллигенция противопоставляет себя власти, и она служит народу (которому она, тем самым, фактически также себя противопоставляет). При этом и понятие власти (в частности, представление о монархе), и понятие народа с течением времени могут менять свое содержание, на разных исторических этапах они могут приобретать совершенно различный смысл – и это, естественно, отражается на поведении интеллигенции; тем не менее, сама противопоставленность, сама структура отношений сохраняется»².

Самоидентификация интеллигенции через систему бинарных оппозиций (власть – интеллигенция, народ – интеллигенция) служит подтверждением тезиса, что модель мира русской интеллигенции формируется и существует именно как система бинарных оппозиций. Изначальная амбивалентность модели мира русской интеллигенции закрепляется и воспроизводится в течение XIX века. Попытки интеллигенции выйти за рамки бинарных оппозиций, преодолеть внутреннюю двойственность и противоречивость модели мира, преодолеть ситуацию раскола отмечаются на протяжении XIX века. Снятие этого противоречия на уровне модели мира необходимо интеллигенции для эффективного выполнения своей социальной роли медиатора, субъекта общественного развития. Однако, как правило, эти попытки приводили лишь к доминированию одного из полюсов оппозиции в общественном сознании, стремлению соединиться с этим полюсом, властью или народом. В движении от одного полюса к другому интеллигенции в XIX веке не удавалось сформировать «срединное поле», отказаться от слияния либо с властью, либо с народом, адекватно определить свое место в структуре общества.

В исследованиях, посвященных русской интеллигенции, часто звучит тезис об оппозиционности интеллигенции власти как черте, имманентно ей присущей. «Поскольку в России государство предрасположено, как

часто констатируется, к свертыванию свободы, к подавлению личности, то, соответственно, интеллигенция оказывается силой, способной эти ценности защищать, и потому ее активность в этом направлении демонстрирует ее оппозицию по отношению к власти, делает ее тираноборцем»³. Этот вопрос требует подробного рассмотрения, так как оппозиционность интеллигенции скорее часть интеллигентского мифа, постоянный элемент интеллигентского дискурса, ядра семиосферы интеллигенции, чем реальное явление, характерное для субкультуры интеллигенции в целом.

А. И. Герцен, долгое время влияющий на общественное мнение в России, со свойственной русской культуре дуальностью, резким разведением культурных полюсов так определил взаимоотношения интеллигенции и власти: «В России все те, кто читают, ненавидят власть; все те, кто любят ее, не читают вовсе ...»⁴. Возможно, русская литература, играя роль общественной трибуны, приобретая сакральный статус (логоцентризм – характерная черта традиционной культуры), еще больше укрепляла центр семиосферы интеллигенции, диктовала оппозиционность как неотъемлемое качество интеллигента. Это создавало своеобразный замкнутый круг в отношениях интеллигенции и власти, не давало возможности развиваться диалогу между ними, сохраняя традиционные элементы в модели мира, приобретающие манихейские формы. Результатом манихейских представлений могло стать уничтожение либо власти, либо интеллигенции, понимаемое как уничтожение злого начала в обществе. «Можно, думается, утверждать, что своевременное включение идеалистической и жертвенной интеллигенции в работу государственного аппарата могло бы изменить путь России», – писал Ф. Степун, далее воспроизводя традиционный момент интеллигентского дискурса, возлагая вину за несостоявшееся сотрудничество интеллигенции и власти на царское правительство, которое загнало интеллигенцию в подполье⁵. Мы можем наблюдать ситуацию, характерную для традиционного общества: власть не считает необходимым и возможным изменение своего положения в обществе, своих функций, полномочий, а интеллигенция относится к власти как к институту внешнему, чуждому, закрытому. Результатом таких представлений, составляющих традиционные элементы модели мира, становится отсутствие диалога, невозможность создания и развития конструктивных отношений.

Представления о власти в модели мира интеллигенции обуславливают позитивный или негативный характер социального дистанцирования, монолог или диалог как способ взаимодействия с властью. В целом характер социального дистанцирования интеллигенции от власти порождает «веер» возможных стратегий поведения этой социальной группы, объясняя «оппозиционность» интеллигенции на уровне модели мира.

Кроме того, анализ представлений о власти русской интеллигенции дает возможность сопоставить образ власти интеллигенции с образом власти народа, т. е. с образом власти русского крестьянства, и, следовательно, определить степень дистанцирования интеллигенции от народа. Важно выяснить, является ли разрыв между интеллигенцией и народом социальной реальностью, заложенной на мировоззренческом уровне, или этот разрыв является лишь элементом интеллигентского дискурса.

Представления о власти отражают наличие и соотношение между архаическими, традиционными, утилитарными и либеральными элементами в модели мира интеллигенции, раскрывают степень влияния процесса

модернизации России на интеллигенцию как социальную группу, ее возможность быть активным субъектом этого процесса. Способом анализа представлений о власти в модели мира интеллигенции является соотнесение этих представлений с культурологическими оппозициями «должное – сущее», «сакральное – профанное», «конкретное – абстрактное», «свое – чужое».

Складывание представлений о власти в модели мира русской интеллигенции (или образа власти) происходит к началу XIX века в результате интенсивного процесса европеизации русской культуры, соединения традиционных представлений о власти, свойственных русской крестьянской культуре, с западноевропейскими политическими и философскими теориями эпохи Просвещения. Соединение двух компонентов в представлениях о власти русской интеллигенции отразило не только общий раскол модели мира, но и создало основу для возможной периодической актуализации тех или иных представлений, выбора стратегий поведения. Своеобразие представлений о власти русской интеллигенции вызвано именно процессом интерпретации различных смыслов категории власти.

Прежде всего, представления о власти связаны с образом самодержавной власти в России, что исторически вполне естественно, так как в первую очередь осмысляются институты власти, характерные для общества и эпохи. Самодержавная власть осмысливается русской интеллигенцией первой половины XIX века в категориях должного, сакрального, конкретного. Восприятие власти как должного, имеющего сакральный характер, обуславливает отсутствие критики власти как института, снимает ситуацию выбора в отношении власти, определяет представления об ее неизменности.

Такой традиционный образ власти имеет прочную основу в историческом сознании космологического типа, ориентирующегося на ценность и воспроизводство прошлого, возможно, «испорченного» настоящим, но неизбежно повторяющимся в будущем. Таким образом, самодержавие представляется в первой половине XIX века как исконная форма правления в России, несмотря на все исторические «отступления» в сторону аристократии или деспотии. Самодержавие является центром представлений о власти, который формирует политико-правовые представления. Ключевое значение самодержавия подчеркивается его сакральным характером («священный палладиум России»), оно выступает гарантом сохранения и процветания России, что закрепляется в историческом сознании русского общества. В «Вестнике Европы» в 1821 году публикуется типичная статья, в которой развивается мысль, что лучшее правление для России – это неограниченная монархия, и самодержавию Россия обязана своим величием и благосостоянием, превосходством над другими странами⁶. Таким образом, представления о власти, отражающие традиционные элементы модели мира интеллигенции, пересекаются с историческими представлениями космологического типа. Традиционность и космологичность элементов модели мира русской интеллигенции сближают ее с моделью мира русского крестьянства.

Приверженность самодержавию объясняется идеологией Просвещения, утверждающей необходимость для представительной формы правления соответствующего уровня образованности и нравственности общества, а также сформировавшей образ просвещенного монарха. Опыт французской

революции 1879 года заставил русское просвещенное общество еще раз задуматься о возможности народного представительства даже в европейских странах. «И ты будешь говорить, что представительное правление есть венец человеческих соображений! Да, в обществе благоразумном, нравственном, образованном, согласен; но в доме сумасшедших, какова Франция, это просто математическая невозможность и гибель. Франция погибнет от своего пустословия»⁷. И само противопоставление «истинного государя» и «тирана» также является характерным для просветительской идеологии.

Отражением традиционных компонентов служит представление об императоре, самодержце милостью божьей, находящемся вне поля критического осмысления, являющемся высшим конкретным воплощением власти. Осмысление власти через категорию конкретного проявляется в персонификации власти. Самодержавная власть понимается прежде всего как власть царя, причем образ царя формирует категория должного. Царь обязан соответствовать представляемому образу, что делает возможным критику конкретной фигуры на троне, но не царя как символа власти. Персонификация власти является результатом не только устойчивости в модели мира традиционных компонентов, но и вызвана спецификой самодержавной власти в России, природой российского абсолютизма, существованием объективных условий для его постоянного воспроизводства.

Вспоминая о событиях 14 декабря 1825 года, Вяземский придет к выводу, отражающему конкретно-образное, персональное восприятие власти в России: «У нас не может быть революции ради идеи; они могут быть у нас лишь во имя определенного лица»⁸.

Неприкосновенность самодержавия воспринимается как неприкосновенность царя, сакральность самодержавия определяет сакральность царя. Это приводит к принципиальной невозможности критики действий власти или необходимости исключить фигуру царя из поля критического осмысления. Критика власти может проявляться в форме критики личности царя, не соответствующего идеалу должного, определенному образцу. В этом плане личность императора представляется открытой для критики. Для А. С. Пушкина, как и для Н. М. Карамзина, критика того или иного самодержца не означала критики самодержавной формы правления, фигуры царя как носителя верховной власти. Поэт мог восхищаться Александром I, когда он соответствовал представлению о русском царе⁹ (заметим, что на формирование образа царя в мировоззрении Пушкина огромное влияние оказала фигура Петра I), и выражать свое негативное мнение о нем¹⁰, но критика Александра I не совпадала с критикой института царской власти.

Критика Александра I звучит и в письмах Вяземского именно как критика человека, не соответствующего представлениям, каким должно быть царю, как ему необходимо действовать. Интересно, что и Александр I видится преемником Петра I, т. е. Петр воспринимается как образец русского царя прежде всего в контексте европейского Просвещения. Отсюда Александру предписывается и влияние на Европу, и изменение порядков в России, следуя петровским традициям. Несоответствие сущего должному вызывает критику личности Александра I.

Заметим, что в качестве образца царя для русской интеллигенции чаще всего выступает Петр I – фигура сакральная в русской истории, как тво-

рец Российской империи и российского Просвещения. Интерес представляет тот факт, что сакральность Петра присутствует в сознании не только интеллигенции, но и крестьянства, хотя имеет противоположную аксиологическую окраску. Для интеллигенции это сакральность позитивная, для крестьянства – негативная. Но в любом случае в историческом сознании русского общества образ власти получает прочную основу для различных интерпретаций. Этой основой и является фигура Петра I.

Налицо очередное сходство в восприятии власти интеллигенции и крестьянства, так как именно для народной крестьянской традиции было характерно в случае несовпадения действий царя с идеалом должного усомниться не в царской власти, а в личности, на эту власть претендующую или эту власть воплощающую. Устойчивой для народного сознания была мифологема подмененного, или ненастоящего, царя.

Такая персонификация власти является проявлением традиционных компонентов модели мира, которая не дает возможности критического осмысления действий власти, так как критика действительности может легко перейти в критику императора. Выходом из этой ситуации является перенесение критики на другие звенья власти, исключив из них фигуру императора, который оказывается тем самым непричастным к происходящим в стране событиям по причине либо незнания, либо заблуждения. Причем открытие государю истинного положения дел изначально не представляется возможным и может быть результатом только какой-то исключительной ситуации. Отсюда вытекает невозможность принятия конструктивных решений: «У нас все официанты: дворецкого быть не может; но и старого, заслуженного слуги нет, который бы пришел сказать доброму барину от верного сердца доброе и верное слово. Если бы можно высказать душу свою государю, право бы, не устранился теперь представить ему героев героями, а не...»¹¹ По мнению Е. В. Долгих, когда власть наделяется высшей, абсолютной, вневременной ценностью, это побуждает искать такой механизм критики власти, который, с одной стороны, не затрагивал бы ценностных понятий и, с другой стороны, действовал бы внутри существующей системы. Именно поэтому особое значение придается случаям «открытия истины», но это делает невозможным появление критики власти как функции¹².

Наиболее эффективным и возможным вариантом критики власти при условии неприкосновенности самодержавной формы правления и собственно царя представляется раздвоение образа власти, отделение царя от бюрократического аппарата. В таком расколоте образе власти сакральность распространяется только на институт царской власти, бюрократический аппарат воплощает другой полюс оппозиции – профанное. Тогда совершенно естественной выглядит критика действий бюрократического аппарата, тем более что царская власть воспринимается как «своя», а власть бюрократии – как «чужая».

Это неприятие бюрократии, осмысление ее в категориях конкретного, эмоционального также препятствует становлению эффективной критики власти, необходимой в процессе модернизации. Кроме того, бюрократия является важным звеном в процессе модернизации, основой для организации эффективного управления, неизбежным элементом «большого общества». Следовательно, неприятие бюрократии отражает сохранение на уровне модели мира ценностей локального общества, бессознательное стрем-

ление к архаизации. Характерны попытки царской власти в первой половине XIX века «обойти» бюрократический аппарат, непосредственно решая все вопросы государственного управления, или ограничиться переменной чиновников, не меняя системы управления. Налицо попытки экстраполяции средств управления локального мира на большое общество. Архаичная основа представлений о бюрократии обуславливает неэффективную, псевдомодернизаторскую программу деятельности. С другой стороны, формирование утилитарного отношения к институтам государственной власти, не являющимся сакральными, открывает возможность для дальнейшего критического их осмысления, включения интеллигенции в работу государственного аппарата.

Следствием взаимодействия традиционных и утилитарных элементов в модели мира интеллигенции, попыткой снять мировоззренческое противоречие является тенденция постепенной десакрализации образа царя, соединения его образа с образом институтов государственной власти на утилитарной основе. В то же время прослеживается тенденция постепенной сакрализации государственных институтов, соединения их образа с образом царя на традиционной основе. Первая тенденция делает возможным формирование пространства диалога между интеллигенцией и властью, диалога внутри системы власти, повышение ее эффективности. Вторая тенденция создает опасность инверсионного опрокидывания, основу для процесса архаизации, вплоть до полного разрушения существующего государства. Сохранение же раскола в восприятии власти делает возможным либо ликвидацию одного из начал как враждебного обществу, либо дальнейшее сосуществование этих начал в неэффективной для развития общества ритуализированной форме, с отсутствием механизма диалога.

Особо необходимо отметить отсутствие в модели мира русской интеллигенции четкого, структурированного представления о государстве, что является закономерным следствием и существования расколотого образа власти в целом, и результатом соединения традиционных и утилитарных элементов в модели мира. Традиционное сознание не оперирует такими абстрактными категориями, как государство, но русская интеллигенция усваивает эту категорию из европейских философских и политических учений, создавая собственную интерпретацию понятия «государство». Особенность этой интерпретации заключается в попытке перевода абстрактного понятия на язык конкретных образов, в наполнении этого понятия сильным эмоциональным содержанием. Таким образом, сугубо рациональное европейское понятие государства в модели мира русской интеллигенции становится понятием эмоциональным. Представляет интерес исследование термина «государство», выполненное О. Каркординым, который считает, что термин русское «государство» является производным от «господина» («господаря») и соответствует скорее латинскому *dominus*, подразумевая не столько правителя в своей стране, сколько полновластного властителя, хозяина в своих землях. О. Каркордин утверждает, что представление о государстве, не связанное с личностью правителя, возникает в связи с идеей общественного блага¹³.

В сознании интеллигенции начала XIX века пересекаются понятия власти, государства, царя. Для модели мира русской интеллигенции характерна сакрализация государства. Дневник Н. И. Тургенева ярко показывает формирование идеи блага Отечества как ценностного приоритета, име-

ющего эмоциональный и сакральный характер. Отношение к России как к божеству, стремление принести себя в жертву во славу и на благо Отечества отражает наличие традиционных элементов в модели мира. «Итак, с мыслями о тебе, о, Россия, мое любезное и несчастное Отечество! Провожая я старый и встречаю новый год. Ты – единственное божество мое, которое я постигаю и которое ношу в своем сердце, – ты одна только можешь порождать сильные чувства в моем сердце!»¹⁴ В 1808 году в Геттингене Н. Тургенев запишет в своем дневнике: «Россия! Россия! С благоговением и любовью произношу священное имя твое и оставляю в сердце моем таиться различным чувствованиям. Есть ли бы незначущая жизнь моя могла содействовать к твоему благу – с радостью пожертвовал бы ею. Тысячу раз умер бы для моего Отечества, для России!!!»¹⁵ Исследователи русского менталитета отмечают такую черту, как готовность жертвовать своими правами и самой жизнью во имя существования Российского государства, но редко распространяют эту характеристику на интеллигенцию, считая приоритетной для нее понятие не государства, а Отечества¹⁶. Исходя из принципа историзма, необходимо учитывать эволюцию и специфику представлений о государстве и отечестве, характерных для интеллигенции. Формирующаяся русская интеллигенция начала XIX века еще не интеллектуализировала эти понятия, сохраняя черты синкретичности и эмоциональности мышления.

Такая эмоциональная насыщенность характерна для традиционного, мифологического сознания. Можно наблюдать своеобразный перенос эмоциональных форм мышления, характерных для локального мира, в большое общество. Преобладание эмоционального начала над рациональным, отражающее традиционный характер русского общества и культуры, проявляется и в сознании русской интеллигенции. При этом явное доминирование эмоциональных форм не только не осмысливается критически, но и закрепляется в общественном сознании как отличительная особенность, имманентно присущая русской культуре, составляющая ее достоинство, а не проявление традиционности. Ярким примером являются знаменитые строки Ф. И. Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить, / У ней особенная стать, / В Россию можно только верить». Господство эмоционального пласта в российской культуре, тяготеющего к синкретизму, отмечает А. С. Ахиезер. «Интеллектуальный срез культуры исторически стал достоянием относительно ограниченного слоя людей, обособленного от большинства. Интеллектуальная логика окружена непониманием и враждебностью. Кроме того, она, в особенности в гуманитарной сфере, имитирует логику эмоций»¹⁷.

Мифологизированность образа государства как некой высшей силы выражается в представлениях о мощи и особой роли государства в России. Исторически сложившаяся огромная роль государства в России и исторические представления об этой роли государства усиливают и укрепляют существование традиционного восприятия власти в общественном сознании. Из письма Каткова к Чичерину: «Правду говаривал покойный Грановский, что изучение русской истории портит самые лучшие умы. Действительно, привыкнув следить в русской истории за единственным в ней жизненным интересом, собираванием государства, невольно отвыкаешь брать в расчет все прочее, невольно пристращаешься к диктатуре и, при всем уважении к истории, теряешь в нее веру»¹⁸.

Устойчивым в первой половине XIX века является миф о творении государства в России, долгое время не подвергавшийся критическому осмыслению, научной критике. Образ сильной государственной власти, несущей ответственность за все происходящее в стране, демиурга исторического процесса прочно существует в историческом сознании интеллигенции и поддерживается самой государственной властью как необходимое условие ее сохранения, предупреждения попыток трансформации. Необходимо отметить, что миф о сильной государственной власти в России имел прочную основу в традиционном сознании русского общества, поддерживался субъективно «сверху» через существование государственного идеологического заказа, а также объективно «снизу» – вследствие неразвитости институтов гражданского общества в России. Распространение идеологии Просвещения в России также способствовало утверждению государственного мифа. Государство выступает как субъект исторического процесса, действующий по законам разума, упорядочивая свои институты и внося разумный порядок в жизнь общества. Эпоха Просвещения создала «миф об исключительной роли сознательной воли в преобразовании общества, о неизбежности государственного принуждения и его оправдании высшими целями могущества страны и благополучия народа. Тогда же зародился антимиф, в котором отказ от преобразований также требовал государственного насилия над обществом во имя национального спасения. Внутреннее единство или, по меньшей мере, структурную симметричность двух культурных феноменов подтверждает довольно эластичное движение по этой оси в настроениях просвещенного общественного мнения последней четверти века и как бы органичный переход убежденных сторонников преобразований в лагерь убежденных консерваторов»¹⁹.

Кроме того, образ сильного государства имел основу в неразвитости индивидуального сознания русского общества, в преобладании в русской культуре понятия «мы» над понятием «я», коллективного над индивидуальным в модели мира. Неразвитость индивидуального самосознания в начале XIX века, подтверждаемая мемуарными текстами, исторически сложившаяся тесная связь личности и государства приводила к тому, что человек не мыслил себя обособленно, его индивидуальность так или иначе проявлялась в заданных государством и обществом рамках. Такая интракультурная индивидуальность личности, т. е. существующая внутри определенной субкультуры, как правило, проявлялась и в отношении к власти. Показательно, что современные исследователи российской ментальности пришли к выводу о своеобразии «я-концепции», заключающейся в исходном отношении «я» – общество, «я» – социум, а не «я» – «другой». В западноевропейском сознании такая прямая связь общественных и личностных представлений отсутствует вследствие наличия опосредованных институциональных связей между личностью и обществом. К. А. Абульханова считает сложившуюся ситуацию результатом тоталитаризма, «растворявшего личность в идеологических абстракциях “народ”, “общество”»²⁰. Но подобную же «я-концепцию» можно увидеть и в русском обществе XIX века, где связь личности с обществом существовала через сословную организацию, институты государственной власти, и социальная, коллективная идентификация личности находилась на первом месте.

В силе государства опосредованно воплощалась сила личности, соединенной с этим государством не только политическими и экономическими условиями, но и устойчивой, формировавшейся в течение долгого времени социально-психологической связью. Существование социально-психологической связи между личностью и государством создавало чувство социальной защищенности. Исследователи российской модернизации отмечают недостаточную готовность личности к существованию вне этих связей, незрелость, невыработанность личности, ее неготовность к автономной жизни в новых условиях²¹. Как правило, такая характеристика распространяется преимущественно на российское крестьянство, но она применима и к интеллигенции как квинтэссенции русской культуры.

Не случайно главным мотивом российской модернизации всегда было создание или сохранение сильного государства. В то же время отсутствие ясного понимания сущности, структуры государства препятствует выработке механизма диалога с ним.

Образ сильного государства в модели мира интеллигенции обусловил, во-первых, цели российской модернизации, связанные с представлением о государстве как высшей ценности, во-вторых, характер российской модернизации как модернизации «сверху». Государство мыслилось единственной силой, способной осуществить преобразования в России. Это, с одной стороны, отражает неразвитость элементов гражданского общества в России, с другой стороны, создает серьезные препятствия для становления гражданского общества. Таким образом, не только государственная власть не способствует развитию гражданского общества вследствие ее традиционности, в целях самосохранения, но и в общественном сознании не выражена потребность в институтах гражданского общества.

¹ См.: Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта: Слов. Т. 2: Теория и методология. Новосибирск, 1998. С. 160.

² Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия / Russia. Нов. сер. / Под ред. Н. Г. Охотина. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектализм: история и типология. М., 1999. С. 10.

³ Панарин А. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 173.

⁴ Герцен А. И. Поли. собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 220.

⁵ См.: Степун Ф. А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 621.

⁶ См.: О коренных постановлениях России как причине ее непоколебимого благоденствия // Вест. Европы. 1821. Ч. 115, № 1–2.

⁷ П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу, 8 февраля 1843 года // Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 214.

⁸ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 84.

⁹ «Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье! / Когда полки врагов покрыли отдаленье, / Во броне ополчась, возложив пернатый шлем, / Колена преклонив пред вышним алтарем / Ты браней меч извлек и клятву дал святую / От ига оградить страну свою родную. / Мы вняли клятве сей; и гордые сердца / В восторге пламенном летели вслед отца /.../ О, сколь величествен, бессмертный, ты явился, / Когда на сильного с сынами устремился; /.../ Кто смелый? Кто в громах на севере восстал? /.../ И ветхую главу Европа преклонила, / Царя-спасителя колена окружила / Освобожденною от рабских уз рукой, / И власть мятежная исчезла пред тобой!» (Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 97–98).

¹⁰ «Властитель слабый и лукавый, / Плевый щеголь, враг труда, / Нечаянно пригретый славой, / Над нами царствовал тогда» (Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 349).

¹¹ А. И. Тургенев – П. А. Вяземскому, 22 октября 1819 г. // Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 334.

¹² См.: Долгих Е. В. Восприятие критики власти сановниками николаевского времени (Д. Н. Блудов, М. А. Корф). М., 1995. Деп. ИНИОН РАН. № 50240.

¹³ См.: Kharkhordin O. What is state? The Russian concept of «gosudarstvo» in the European context // History and Theory. Middletown, 2001. Vol. 40, Nr 2. P. 206–240.

¹⁴ Тургенев Н. И. Из «Дневников» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 206. Ср. со знаменитыми строками А. С. Пушкина: «Пока свободою горим, / Пока сердца для чести живы, / Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы».

¹⁵ Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806–1811 гг. Т. 1: Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 1. С. 213.

¹⁶ См.: Сиротина И. Л. Мемуаристика как источник осмысления менталитета русской интеллигенции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 1995.

¹⁷ Ахизер А. С. Как искать специфику российского общества, или Было ли осевое время в России // Рубежи. 1998. № 3–4. С. 88.

¹⁸ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 2: Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 194.

¹⁹ Гордон А. В. Выступление на круглом столе «Русская культура в сравнительно-историческом освещении» // Одиссей, 2001. М., 2001. С. 24.

²⁰ Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 24.

²¹ См.: Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С. 11.

В. И. Цепилова

А. А. КИЗЕВЕТТЕР В ЭМИГРАЦИИ (1922–1933)

Александр Александрович Кизеветтер – один из видных представителей историко-научного сообщества русского зарубежья, ученик В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, П. Н. Милюкова – оказался в эмиграции в составе пассажиров «философского парохода» в 1922 году. После недолгого пребывания в Берлине Кизеветтер переехал в Прагу, где сразу включился в научную и общественную жизнь. За годы изгнания Александром Александровичем было опубликовано более 500 статей, рецензий, заметок, воспоминаний. Отойдя от практической политической деятельности, Кизеветтер принимал деятельное участие в культурной и общественной жизни эмиграции. Он стал членом Пражской академической группы, Русского исторического общества, членом совета, а с 1928 года – председателем Русского заграничного исторического архива, членом экспертного совета этого архива, председателем историко-филологического отделения Русского народного университета (РНУ), руководителем культурно-просветительского кружка РНУ в Уезде над Лесом, профессором юридического факультета, членом редакционно-издательского совета Комитета по подготовке дней русской культуры, почетным членом Союза русских писателей и журналистов в Чешской Республике. К этому следует добавить чтение лекций и курсов в Эстонии, Германии, провинциаль-